

Я, прочитав над входом, в вышине
Такие знаки сумрачного цвета,
Сказал: «Учитель, смысл их страшен мне».
Он, прозорливый, отвечал на это:
«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета».

Данте Алигьери
«Божественная комедия»

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Он запомнил эту встречу на всю жизнь. Его привезли на подмосковную дачу, специально предназначенную для таких агентов, как он. Именно отсюда он должен был уезжать в аэропорт. Все было обговорено, все было решено. Оставалась эта последняя встреча, после которой он перестанет существовать. Вернее, перестанет существовать человек под его именем и с его биографией. Вместо него должен появиться уже совсем другой человек, с другой биографией, другой национальностью и другим образом жизни.

По непонятному капризу всемогущего Председателя КГБ он должен был перед отъездом встретиться с ним. Может, потому, что эта операция была чрезвычайно важна, а может, потому, что это была первая серьезная проверка нового начальника разведки, только назначенного на эту должность и всю свою жизнь прослужившего до этого помощником при всесильном Председателе.

Юрий Андропов был человеком непонятным и загадочным даже для ближайшего окружения. Он, интеллектуал, человек высочайшей эрудиции,

читавший в подлиннике английских и американских авторов, знавший и любивший настоящую классическую литературу, даже пытавшийся сочинять стихи, держал при себе сухого, сдержанного, всегда корректного Владимира Крючкова. Никто не сомневался в добросовестности и пунктуальности Крючкова. Но это был человек без Божьей искры. Он был типичный служака, еще более замкнувшийся в себе после назначения руководителем разведки. По непонятным причинам Андропов не очень любил его предшественника, Федора Константиновича Мортина, занимавшего должность руководителя Первого главного управления КГБ СССР около трех лет — с 1971 по 1974 год. До него разведку возглавлял легендарный Александр Михайлович Сахаровский, проработавший на этой нелегкой работе более полутора десятков лет.

Андропов решил в этот раз лично проверить подготовку агента и должный уровень его знаний для работы в качестве нелегала. И поэтому, взяв нового начальника разведки, которого он знал уже более двадцати лет, Председатель КГБ выехал лично на встречу с агентом, что он делал обычно в исключительных случаях.

Теперь, сидя в своем автомобиле рядом с Крючковым, как всегда несколько скованным и напряженным в присутствии своего «вечного» шефа, Андропов глядел в окно. Была поздняя осень, и сильный дождь бил по окнам автомобиля, уже выехавшего на шоссе.

— Холодно, — сказал неожиданно Андропов, словно обращаясь к самому себе.

Водитель, понявший его с полуслова, включил печку. Андропов поежился, непонятно почему, то ли от холода, то ли от неожиданной заботы своего сотрудника, и взглянул на Крючкова.

— Думаешь, все будет в порядке?

— Он хорошо подготовлен, — сказал осторожно Крючков, — легенду разрабатывали два года. Все как будто в порядке.

— Все в порядке никогда не бывает, — добродушно заметил Андропов. Он снова посмотрел в окно и спросил: — Что у нас по Швеции?

— Стацкевич¹ передал — все в порядке. Можно будет выслать людей уже через неделю.

— Это хорошо. Нам постоянно нужно держать там все на особом контроле. Скандинавия сейчас — важное направление.

— Я понимаю, Юрий Владимирович.

— В будущем году подписание договоренностей в Хельсинки. Нам нужно больше информации по этому региону. Пошли в Финляндию еще несколько человек. Могут там понадобиться.

— Обязательно.

— И передай нашим резидентам в Копенгагене и Осло, чтобы активизировались. Особенно в Дании. После Данилова² Могилевич³ должен серьез-

¹ Стацкевич Николай Викторович — резидент ПГУ КГБ в Швеции в 1974 году.

² Данилов Анатолий Александрович — резидент ПГУ КГБ в Дании до 1973 года.

³ Могилевич Альфред Федорович — резидент ПГУ КГБ в Дании в 1974 году.

но усилить свою работу. Да и Титов¹ в Осло очень опытный человек. А это ведь страны НАТО. — Он специально называл фамилии и страны, проверяя реакцию Крючкова. Но тот, обладавший исключительной памятью, согласно кивал, не удивляясь, в свою очередь, феноменальным способностям Андропова. Он их знал лучше других.

— Я дам установки во все наши резидентуры, — ответил Крючков, — сам буду контролировать работу их отдела.

Андропов снова замолчал. Отвернувшись, он смотрел в окно. Автомобиль, съехав с основного шоссе, уже катил по проселочной дороге. Впереди шла другая машина с работниками управления. Они проехали около трех километров, пока не оказались у довольно высокого забора, за которым и находилась дача Первого управления.

По сигналу из первого автомобиля ворота раскрылись, и обе машины въехали на территорию. Из дома уже спешили выбежавшие оттуда двое мужчин в темных костюмах. Андропов вышел из автомобиля и, слегка нахмурившись, посмотрел на Крючкова. Тот, поняв по его взгляду, что Председателя что-то раздражает, нервно оглянулся. Кажется, все было в порядке.

Андропов сделал несколько шагов вперед. Обернулся к Крючкову.

— Владимир Александрович, — он всегда называл так Крючкова при людях, — одного я знаю. Это Колтунов. А второй? Неужели это наш неле-

¹ Титов Геннадий Федорович — резидент ПГУ КГБ в Норвегии в 1974 году.

гал? И он так гуляет по даче под дождем? Может простудиться. — Когда Андропов позволял себе так иронизировать, он был недоволен, и Крючков это знал.

«Неужели действительно этот тип выбежал на улицу? — с неудовольствием подумал Крючков. — Совсем ничего не понимает». Он взгляделся во второго. Кажется, он его знает. Он напряг память. Это подполковник Трапаков из восьмого отдела¹. Крючков чуть задержал дыхание и быстро сказал идущему впереди Андропову:

— Это не он, Юрий Владимирович. Это наш сотрудник, работающий с ним. Подполковник Трапаков.

— Тем лучше, значит, не простудится, — сказал Андропов, не замедляя шага.

Он подошел к обоим офицерам и, не подавая им руки, кивнул в знак приветствия. Андропов ценил своих сотрудников, но не любил панибратства. Сзади топал, тяжело дыша, начальник восьмого отдела, ответственный за переброску и легенду агента. Андропов посмотрел на стоявших перед ним офицеров.

— Кто будет показывать мне нашего «специалиста»?

Офицеры молчали.

Андропов усмехнулся и вдруг спросил:

— Он ведь должен пройти через Турцию? Кто из вас знает турецкий?

¹ Восьмой отдел ПГУ КГБ занимался разведывательной деятельностью против неарабских стран Ближнего Востока, в том числе и Турции.

— Я, товарищ генерал, — несмело сказал Трапаков.

— Вот вы со мной и пойдете. А остальные нам не нужны. Показывайте вашего подопечного.

Втроем они вошли в дом.

Он часто потом вспоминал об этом. Конечно, его заранее предупредили о подобном визите, но сама встреча оказалась неожиданной.

Как раз в тот момент, когда в его комнату вошли гости, он, намылив лицо, собирался бриться. И даже успел срезать часть вчерашней щетины на левой щеке. Он всегда начинал бриться именно с левой стороны. Вдруг дверь открылась, и в его комнату вошел сам Председатель КГБ.

Он даже не успел стереть мыло. Просто замер, вытянувшись перед генералами. Следом за Андроповым вошли Крючков и Трапаков.

— Добрый день, — приветливо сказал Андропов, — кажется, мы не вовремя.

Он схватил полотенце и, вытерев лицо двумя резкими движениями руки, снова замер.

Андропов усмехнулся. Подчеркнуто вежливо спросил:

— Нам можно сесть?

Он, еще не совсем понимая, что именно происходит, растерянно кивнул. Андропов сел на стул, стоявший рядом с ним, и, махнув рукой, разрешил сесть остальным.

— Растерялись? — спросил он.

— Немного, товарищ генерал.

— Садитесь и вы, — разрешил Андропов. Он понимал смущение сотрудников разведки. Председатель КГБ очень редко встречался с нелега-

лами, предпочитая просматривать их письменные донесения.

— Как вас зовут? — вдруг спросил по-английски Андропов.

Он смутился. Но мгновенно принял решение.

— Кемаль Аслан, — он впервые назвал себя тем именем, под которым ему теперь предстояло жить.

— Вы хотите уехать в Америку?

— Если получится, конечно. У меня там дядя.

— Где вы изучали английский язык?

— В детстве я жил в Америке, но помню его не совсем хорошо. До шести лет жил в Филадельфии. Потом семья переехала в Болгарию.

Андропов обернулся к Трапакову:

— Спросите его что-нибудь на турецком. Я хочу посмотреть на его дикцию, динамику речи и манеру себя держать.

— Где вы будете жить в Турции? — спросил Трапаков.

— В Измире живет мой второй дядя. После смерти отца мы жили с матерью на ее родине, в Бургасе. Теперь я собираюсь вернуться в Измир.

Трапаков посмотрел на Андропова. Тот кивнул и уже на русском спросил:

— Вам все объяснили?

— Все, товарищ генерал.

— Вы едете не на один год и не на два. Возможно, лучшие годы вашей жизни пройдут там, за рубежом. Это очень нелегко, но так нужно. Когда вам будет особенно трудно, всегда помните, что у вас есть Родина, во имя которой вы и делаете свою работу. Мы всегда будем помнить о вас. Что

бы там ни произошло. Ведь вам, кажется, нет еще тридцати лет?

Андропов прочел его досье перед приездом на дачу. Память у него действительно была отменная.

— Да, товарищ генерал.

— Есть какие-нибудь просьбы, пожелания?

— Нет, товарищ генерал.

Председатель заметил на столе смешного медвежонка. Он почему-то взял в руки игрушку, помял ее и, положив на стол, тихо уточнил:

— Это по вашей легенде?

— Любимая игрушка моего персонажа. Она с ним была еще в Филадельфии. Ее подарил дядя, — объяснил «Кемаль».

— Симпатичное существо, — без улыбки сказал Председатель. Андропов смотрел ему в глаза, словно спрашивая, сумеет ли он, выдержит ли. И вдруг спросил: — А песни какие вы любите?

— Песни? — На мгновение он запнулся и быстро нашелся: — Разные, товарищ генерал. И наши, и не наши. Но, по легенде, я должен любить и американские, и турецкие, и даже болгарские.

Крючков хмуро смотрел на него. Ему, аскетичному и немногословному человеку, не нравилась излишняя разговорчивость его агента. И даже невыбритая правая щека раздражала его, словно в этом была доля личной вины и самого Крюкова.

Андропов неожиданно обернулся к Трапакову.

— Вы свободны, — сказал он подполковнику. И, дождавшись, пока тот выйдет, тяжело вздох-

нул и сказал: — У вас будет совсем другая жизнь, Кемаль. И, наверное, первое время это будет интересно и даже романтично. Вы очень молоды. Но, по легенде, вам и должно быть двадцать шесть лет. Первые годы кажутся самыми перспективными. А потом часто бывает разочарование, некоторые не выдерживают такого давления. И если вы обнаружите, что просто не можете больше приносить пользу, лучше честно об этом скажите. Мы всегда здесь верно оценим вашу искренность.

— Понимаю, товарищ генерал.

— О матери не беспокойтесь, — Андропов не только читал, но и помнил все его досье, — мы позаботимся. Что вы ей сказали?

— Объяснил, что должен уехать надолго. На несколько лет. Просил ее не волноваться, — как можно спокойнее ответил он.

— Правильно. Что ж, — Андропов встал. Быстро вскочил Крючков. Поднялся со стула «Кемаль Аслан».

Андропов протянул ему руку:

— Счастливого пути.

Рука Председателя КГБ была сухая и холодная. Он осторожно пожал ее и сдержанно поблагодарил.

Андропов повернулся и вышел, не сказав больше ни слова. Крючков, как и его шеф, не терпевший лишних эмоций, только кивнул на прощание. Его люди еще успеют попрощаться с нелегалом и за него, и за себя.

Когда они вышли на улицу, дождь уже прекратился. Было сыкотно и грязно. У автомобилей стояли сотрудники Первого главного управления.

Андропов пошел к машине, коротко бросив остающимся:

— До свидания.

Крючков поспешил за ним.

Уже в автомобиле, когда он тронулся, Андропов задумчиво произнес:

— Очень молодой.

— Может, приостановим отправку? — не понял его Крючков.

Председатель КГБ покачал головой.

— Пусть едет, — сказал он.

Больше до возвращения в основное здание КГБ он не сказал ничего.

А «Кемаль Аслан» стоял у окна и смотрел на сиротливо приютившееся невдалеке дерево. Словно пытался запечатлеть этот образ в своей памяти. Впереди был последний день на подмосковной даче. Утром следующего дня началась операция по его переправке.

Часть 1

НАСТОЯЩИЙ ТЕХАСЕЦ

ГЛАВА 1

В этой части Хьюстона всегда бывают пробки. Он с раздражением оглянулся. Разумеется, сзади уже выросла кавалькада машин. «Теперь придется ждать», — расстроено подумал он. Однажды на трассе между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско он попал в такую пробку, что прождать пришлось целых четырнадцать часов. В летнюю жару, под палящим солнцем, без глотка воды. Потом оказалось, что впереди была крупная авария и сильный пожар, из-за чего движение в тот день было остановлено.

Он раздраженно откинулся на спинку своего «Шевроле». Поднял стекла и включил кондиционирование в кабине. Достал небольшой персональный компьютер. В конце концов, столько дел, что можно поработать и в машине. Но эта пробка может не рассосаться до вечера, и тогда он, конечно, опоздает на встречу, чего никак нельзя допускать. Однако выехать отсюда нет абсолютно никакой возможности. И самое печальное, что он забыл свой телефон спутниковой связи в офисе. Торопился и оставил его на столе, решив, что заберет вечером.

Срочных звонков он не ждал, а сама поездка должна была, по его замыслу, занять не более двух

часов. Но если так будет продолжаться, он проторчит здесь в два раза дольше, без всяких надежд на возвращение. И невозможно даже позвонить.

Идущая перед его машиной белая «Хонда» ползет как муравей. Уже дважды впереди нее пролезли другие машины из соседнего ряда. Он свирепо просигналил, разглядев длинную копну светлых волос у водителя, сидевшего за рулем «Хонды». Конечно, женщина, и наверняка феминистка, из тех идиоток, которые стали в последнее время так часто встречаться в Америке. Он снова просигналил. Нет, это переходит всякие границы. Кажется, она вообще впервые села за руль.

Женщина обернулась, очевидно, что-то сказала. На ней были темные очки, но он успел рассмотреть тонкую линию губ, гневно выговаривавших нетерпеливому водителю за его агрессивность. Он взглянул на номер. Обязательно из Луизианы. Эти потомки французов всегда так экзальтированы. Чего можно ожидать от людей, которые хоронят своих покойников под звуки джазового оркестра! Он вдруг поймал себя на мысли, что рассуждает как настоящий техасец. И улыбнулся.

По непонятному капризу Богов или Судьбы, отразившемуся в их географии, два самых необычных, самых экзотических южных штата оказались рядом. И если в Луизиане еще сильно ощущался дух французского наследия, карнавальная атмосфера праздников, традиционные негритянские шествия, а Новый Орлеан переполняли звуки джаза, то в Хьюстоне или в Далласе играли в это время кантри. Там по-прежнему носили широкие техасские шляпы, любили красиво выделанные

сапоги и гордились званием «техасец». Традиционно жители того и другого штата не любили друг друга. Техасцы считали своих соседей не совсем серьезными людьми, а жители Луизианы, в свою очередь, относили своих соседей к категории слишком серьезных.

Он снова взглянул на номер впереди идущего автомобиля и, вздохнув, начал работать на компьютере, когда услышал нетерпеливый сигнал стоявшей сзади машины. Подняв голову, он заметил, что «Хонда» стояла уже в нескольких метрах впереди его автомобиля. Все-таки эта проклятая пробка хоть движется. Он посмотрел на часы и передвинул свой автомобиль, сократив расстояние.

Снова посмотрел на дисплей персонального компьютера. «Нужно будет позвонить Роберту», — нахмурившись, подумал он. Иначе потом они могут просто не успеть. Как всегда, Уолт захочет опередить их. Нужно сказать об этом Роберту прямо сейчас. Он привычно пошарил рукой на соседнем сиденье, куда обычно клал свой спутниковый телефон, и чуть не выругался, вспомнив об оплошности.

Сзади снова нетерпеливо просигналили. Он поднял голову. Кажется, он слишком увлекся. «Хонда» была уже в десяти метрах от него и продолжала медленное движение. Он, не убирая компьютера, дал резкий газ. Его «Шевроле» чуть дернулся и очень плавно врезался в зад идущей впереди машины.

— Проклятье, — рассерженно пробормотал он, открывая дверцу автомобиля.

Из «Хонды» вылезла женщина. Она была довольно высокого роста, в белом костюме, юбка была чуть ниже колен. Она погрозила рукой.

— Чертов ковбой! — прошипела она. — Нужно быть осторожнее и не нервировать людей на трассе каждую минуту.

— Извините, — развел он руками.

— Куда вы смотрели? — показала она на автомобиль. — Кажется, вы ударили мою машину довольно сильно.

— Простите, я задумался. Можете прислать мне счет за ремонт вашего автомобиля. Вот моя визитная карточка. — Он полез во внутренний карман пиджака и достал свою карточку. Она резко махнула рукой.

— Для чего мне ваша карточка? Я сама отремонтирую. В следующий раз будьте внимательны, мистер ковбой.

К ним подошел хозяин автомобиля, стоявшего впереди «Хонды». Это был типичный техасец, в красно-коричневом пиджаке и большой серой шляпе, надвинутой до самых ушей.

— Кажется, у вас проблемы? — спросил он. На другой автомобиль он даже не обращал внимания, словно его вообще не существовало. Очевидно, он не любил гостей из соседнего штата. Техасец наклонился к бамперу и свистнул. — Довольно сильно. Наверное, это она так неумело подала назад?

— По-моему, это ваш друг несколько сильно нажал на газ, — саркастически заметила женщина и, не удержавшись, спросила: — Или вы считаете, что техасцы не могут совершать аварии? Просто

этот парень спутал скаковую лошадь на родео с автомобилем.

Техасец побагровел и открыл рот, собираясь сказать какую-нибудь гадость, когда услышал оглушительный хохот своего союзника. Он растерянно оглянулся и, обнаружив, что громко смеется именно владелец автомобиля, по адресу которого прошла эта нахальная женщина, побагровел еще больше и, повернувшись, полный достоинства, вернулся к своему автомобилю.

Женщина протянула руку.

— Похоже, вы спасли меня от этого типа. Сандра, — представилась она.

— Кемаль, — кивнул он, протягивая в ответ свою руку и отвечая на ее чисто мужское пожатие.

— Красивое имя. Не знала, что такое существует. Вы, очевидно, не техасец?

— По рождению я коренной американец. Но мои родители были турецкого происхождения.

— Тогда понятно. А где вы родились?

— В Филадельфии.

— Северянин, — улыбнулась женщина, — поэтому вы можете себе позволить хохотать, когда ваш автомобиль сравнивают с лошадью на родео. Настоящий техасец в лучшем случае просто нечаянно ударил бы мой автомобиль во второй раз.

— В таком случае я не настоящий техасец.

Женщина улыбнулась еще раз и сняла очки. Глаза у нее были вишневые, с каким-то озорным блеском, но вместе с тем очень внимательные. Над переносицей пролегла упрямая складка. Маленький прямой нос, узкие скулы, тонкие прямые губы.

— Это я поняла, — сказала Сандра, — как вы думаете, долго мы будем здесь стоять?

— Понятия не имею. Я не думал, что смогу попасть в подобную ситуацию. Даже не взял с собой телефон. А мне срочно нужно позвонить.

— У меня телефон в автомобиле, — кивнула женщина, — вы можете позвонить оттуда.

— Я предупрежу оператора, что разговор оплатит принимающая сторона, — обрадованно кивнул он, — иначе просто неудобно. Я и так разбил вашу новую машину.

— Какие пустяки. Теперь я вижу, что в вас действительно есть восточная кровь. Вы всегда так галантны? — спросила она и, не дождавшись ответа, прошла к своей машине. Он прошел за ней, принял телефон, благодарно кивнув, и быстро набрал номер. Ему сразу ответили:

— Слушаем вас.

— Простите, — сказал он, — это говорит Кемаль. Я немного задерживаюсь, попал в автомобильную пробку. Возможно, приеду чуть позже.

— Ничего, — успокоили его, — мы вас будем ждать.

— Спасибо. — Он отключился.

Вернул телефон.

— Спасибо, Сандра, вы меня очень выручили. Женщина кивнула в ответ, и в этот момент раздался звонок. Она включила телефон.

— Алло. — Лицо у нее изменилось почти мгновенно. Теперь это была очень строгая маска деловой женщины. — Да, — сказала она, снова изменившись. Теперь это было обычное лицо красивой и зрелой женщины. — Нет, Лу, — требовательно

и вместе с тем нежно сказала Сандра, — ты ведь понимаешь мои мотивы... Нет, я бы не хотела, чтобы ты уезжала вместе с ним. Я думаю, ты меня понимаешь. Ты просила совет, я тебе его дала. Но ты вольна поступать как знаешь... Да, я позвоню из дома, когда приеду. До свидания.

Она отключилась.

— С детьми всегда проблемы, мистер Кемаль, — она взглянула на часы, — кажется, я попаду домой только завтра.

— Вам далеко ехать?

— В Батон-Руж¹.

— Далеко, — удивился он, — я думал, вам до границы штата или в Лейк-Чарльз. А так вам действительно придется ехать весь день.

— Знаю, — огорченно произнесла Сандра, — я выехала рано утром. У моих друзей во Флоренсвилле есть ранчо, где мы отдыхали с дочерью. Но неожиданно возникли срочные проблемы, и мне пришлось выехать сегодня рано утром.

— Вы выехали из Флоренсвилля? — еще больше удивился он.

— Не удивляйтесь. Я люблю сидеть за рулем. Можно успокоиться и о многом подумать. Кроме того, я не могла воспользоваться самолетом. Кто-то ведь все равно должен будет потом перегнать мой автомобиль. У Лу есть своя машина. Поэтому я решила доехать одна.

¹ Б а т о н - Р у ж — административная столица штата Луизиана. Здесь и далее идут названия городов Техаса и Луизианы.

— Вы выносливый человек, Сандра, — восхищенно сказал Кемаль, — я еду в Бейтаун, это совсем рядом, пятнадцать минут езды, и то схожу с ума от этой пробки.

— Кажется, впереди машины тронулись.

— Вот моя визитная карточка, — сунул ей в руку свою карточку Кемаль, — все-таки я бы хотел сам оплатить ремонт. В конце концов, виноват только я.

— Ничего, — рассмеялась женщина, — но раз вы так настаиваете, я дам вам свою визитную карточку. — Она щелкнула замком сумочки, доставая карточку. Передала ее Кемалю и, уже открывая дверцу автомобиля, добавила: — Вы действительно нетипичный техасец, мистер Кемаль.

Сзади уже нетерпеливо сигналили автомобили. Он положил карточку в карман и побежал к машине. На этот раз все обошлось. Уже минут через десять ему удалось выехать на мост, где дорога уходила на Бейтаун, и он, просигналив женщине в знак прощания, свернул направо.

К зданию фирмы, которая ему была нужна, он подъехал, все-таки немного опоздав. В приемной сидела долговязая девица с большими очками на носу и что-то быстро набирала на компьютере. Увидев его, она усмехнулась.

— Мистер Кемаль, здравствуйте. Опять проблемы с кем-то из ваших служащих?

— Вы же все знаете, — сделал приветливое лицо Кемаль, — наш Мегрэ у себя?

Девица хихикнула:

— У себя. А кто такой этот Мегрэ?

— Ужас, — притворно вздохнул Кемаль, — работаете в сыском агентстве и не знаете самого великого сыщика всех времен и народов.

— Он, конечно, из Луизианы? — противным голосом спросила девица, снимая очки. — Фамилия у него французская.

— Какая блестящая логика, — изумился Кемаль, — как вы смогли узнать? Конечно, из Луизианы. Причем из самого гадкого квартала Нового Орлеана. Bravo! Мой друг Том не зря держит у себя такого прозорливого сотрудника.

«Вот дура», — разочарованно подумал он, шагнув в кабинет. За столом сидел Том Лоренсберг. Это был руководитель частного сыского агентства. И по совместительству связной Кемалья с руководством его разведки. Это было идеальное прикрытие. Агентство Лоренсберга действительно выполняло деликатные поручения крупной фирмы, генеральным директором которой был Кемаль. Оно специализировалось в области технологических экспертиз, которые поручали проверять независимым экспертам и детективам, устанавливающим добросовестность проводимых мероприятий. Официальные и вместе с тем несколько конфиденциальные темы их отношений позволяли Кемалю встречаться с Томом по мере необходимости, передавая нужную информацию.

— Как у вас дела, мистер Кемаль? — громко спросил Том, когда они уселись за стол.

— Спасибо, хорошо. — По условиям игры отвечать нужно было спокойно и громко. Чтобы было достаточно хорошо слышно и в приемной.

И даже для тех, кто хотел бы услышать содержание их разговора.

— Опять какие-нибудь проблемы? — спросил Том.

— Нас несколько волнует этот контракт с мексиканцами. По моему мнению, это не совсем надежная фирма, мистер Лоренсберг. Думаю, вам следовало бы проверить их финансовые возможности. Что-то мешает мне поверить в их устойчивость.

— Вы принесли документы?

— Да, конечно, — он протянул документы. Они были составлены с таким расчетом, что среди тридцати листков через каждые три было начало или конец фразы. Нужно было только искать по известному лишь им двоим шифру. Том быстро прочел его сообщение, согласно кивнул и, подчеркнув одно слово и одну цифру, вернул документ Кемалю. Это было единственное слово «Когда?» и ответ на этот вопрос, выразившийся в цифре «семь», которую обвел Том.

— Думаю, мы должны уложиться в недельный срок, — словно попросил Тома его собеседник, принимая жесткие сроки, поставленные его руководством.

Лоренсберг согласно кивнул.

— Да, я думаю, недели вполне достаточно.

Все последующие несколько фраз были лишь отвлекающим маневром для этого разговора. Кемаль понял, что ему дают всего лишь неделю на выполнение столь сложного задания. Само задание в прошлый раз ему вручил Том, и теперь, когда Кемаль ответил, что может приступить к его

выполнению, ему дали лишь неделю на точный анализ поставок необходимых компонентов к деталям радиоуправляемых снарядов. Сами компоненты были программами ЭВМ, с помощью которых можно было управлять с земли движением подобных ракет.

«У них очередная спешка, — со злостью подумал Кемаль, — почему именно недельный срок? Я ведь им писал, что в ближайший месяц все решится. В последние годы они совсем с ума посходили. Иногда выставляют такие требования, что остается только гадать — в чем тайный смысл их нелепых желаний. Разве можно ставить агенту срок, когда именно он должен добраться до нужных ему документов. А если на это уйдет не неделя, а месяц, год? Значит, тогда эти материалы уже не нужны. Как все это глупо», — раздраженно думал он, возвращаясь домой, в Хьюстон.

С другой стороны, очевидно, у них есть серьезные проблемы, если они просят узнать про эти управляемые снаряды и дать информацию в течение недели. Любую информацию, какая у него будет на тот момент. Значит, они как-то связаны с временем. Интересно, каким образом?

Он взглянул на часы. Наверное, его знакомая сейчас пересекает у Оринджа границу штата Техас. Он много раз ездил этой дорогой и четко помнил мост над рекой Сабин, который приходилось проезжать, чтобы попасть в бывшую французскую колонию. Он вспомнил про визитную карточку и достал ее из кармана. Прочитал запись и вдруг резко изо всех сил нажал на тормоза, пы-

таясь осмыслить случившееся. «Сандра Лурье — вице-губернатор штата Луизиана» — было написано на визитной карточке.

ГЛАВА 2

Утренние пробежки стали для него почти обязательным ритуалом. Но теперь, когда они переехали в центр Хьюстона и поселились в фешенебельных апартаментах на четырнадцатом этаже, ему приходилось довольствоваться велотренажером. Из спальни жены слышалось недовольное ворчание. Он чуть поморщился. Безусловно, Марта красивая женщина, но с годами их брак начинает напоминать просто тюремное заключение на двоих.

Они были женаты уже пять лет. И оба понимали, как важен этот брак для них обоих. Благодаря своей удачной женитьбе Кемаль Аслан сумел войти в семью Саймингтонов, техасских нефтяных королей, а те, в свою очередь, получили в распоряжение корпорацию умершего дяди Кемалья — Юсефа Аббаса, позволившую им напрямую завязать контакты с многочисленными клиентами последнего на Ближнем Востоке. Брак был во многом почти династическим, и это определило их отношения. Супруги никогда особенно не любили друг друга, но при наличии некоторых уступок могли сосуществовать вместе вот уже пять лет.

Единственным положительным результатом этого брака для обоих был трехлетний сын Марк, названный так в честь умершего дедушки Марты.

И это была очень веская причина, заставлявшая Кемалья по-прежнему сосуществовать с нелюбимой женщиной.

По утрам он обычно не завтракал. Только чашка чая, столь нелюбимого Мартой. Она по-прежнему пила капучино, который готовила для нее специально по утрам приходившая в дом кухарка. Кроме нее, в доме всегда были няня и горничная, и Кемаль, привыкший к тишине, чувствовал себя почти как в гостинице. Они ему просто не нравились, ему здесь было неприятно. Во время сильных ветров ему казалось, что их строение может просто рухнуть. Он, выросший в капитальных каменных домах, не любил и не принимал этого нагромождения бетона и стекла.

В свои тридцать шесть лет Кемаль выглядел замечательно. Это был стройный, высокий, красивый мужчина с всегда коротко остриженными волосами. Несмотря на уже начавшие сесть виски и резкие черты лица, словно вырубленные из камня, он сохранял мужскую привлекательность, очаровывая женщин. Глаза у него были какого-то непонятного, стального цвета. С годами начало портиться зрение, и он стал носить очки, предпочитая фирму «Валентино», столь полно отражавшую и его стиль одежды. Аристократический, элегантный и вместе с тем подчеркнуто деловой, без лишних вычурностей и деталей.

Выпив чай и довольно быстро одевшись, он спустился на лифте в гараж и, взяв другую машину вместо разбитого три дня назад «Шевроле», выехал на улицу. Поднял трубку телефона, чтобы позвонить жене.

«Надеюсь, она наконец проснулась», — подумал он. Она ответила только после десятого звонка, хотя телефон находился рядом с ней.

— Слушаю, — слышался ее заспанный голос. Она была ярко выраженной совой и не любила вставать по утрам. В отличие от Кемалю, который был жаворонком и предпочитал рано ложиться и рано вставать. Но здесь, очевидно, сказывалась разница во времени. Он сумел приспособиться к американскому графику времени, лишь существенно сдвинув собственную шкалу личного времени. И по европейским временным поясам, он ложился спать даже позже обычного, в четыре-пять утра, а по американским стандартам, для бизнесменов был правилом сон с десяти вечера до шести утра.

— Марта, — попросил он, не пожелав ей доброго утра, — сегодня вечером мы должны быть у Каррингтона. Он нас приглашал на свадьбу своей дочери. Надеюсь, ты не забыла?

— Нет, — хрипло ответила жена. Она все еще не пришла в себя.

— Когда мне за тобой заехать? — терпеливо спросил он.

— В шесть. — Она отключилась, не сказав ему «до свидания». Он раздраженно бросил телефон на сиденье. Если бы не Марк, он плюнул бы даже на миллионы ее отца. В некоторые моменты он даже забывал, что женился для легализации своего положения в этой стране. Жизнь с нелюбимой женщиной была самым страшным испытанием, почти пыткой, иногда мешавшей и его основной деятельности. Может, каждый мужчи-

на, думал он с горьким юмором, чувствует себя в подобной роли, как и он, почти разведчиком, попавшим в среду чужих для выполнения опасного задания. Эти мысли позволяли относиться с некоторой долей юмора и к собственным семейным скандалам, столь часто повторявшимся в последнее время.

На работу он приехал как обычно — ровно в восемь утра. Секретарь положила на стол список сегодняшних дел. Среди них была дневная встреча с Ронни Седлером. Он нахмурился. Если бы Москва не требовала этих данных так срочно, он никогда не пошел бы на подобный риск. Но теперь придется рисковать. Документы ему очень нужны, а сукин сын Ронни, кажется, единственный, кто может помочь ему в этом. Придется договариваться с этим типом. И он заранее знает, как дорого будет стоить подобная встреча. Однако, кроме Седлера, никто ему не сможет помочь.

Весь день на работе он помнил о встрече, пытаясь сохранить энергию для этого сложного разговора. Даже когда все сотрудники вышли на традиционный ленч, он остался в кабинете, перебирая ненужные ему в данный момент бумаги. Он не хотел признаваться даже самому себе в том, что предстоящий разговор его волновал. Очень волновал. И он не видел другого выхода, кроме прямого предложения Ронни Седлеру.

Ровно в три часа секретарь доложила, что в приемной его ждет мистер Седлер. Кемаль поправил узел галстука и, сделав максимально приветливое лицо, возможное в данном случае, разрешил гостю пройти в кабинет.

Едва Ронни переступил порог, как он понял, что устоявшееся представление об этом типе почти соответствует действительности.

Гость был одет в серые брюки и пиджак ярко-желтого, канареечного цвета. Его лицо с полными, чувственными губами, немного выпученные глаза и жесткие короткие волосы выдавали присутствие африканской крови. Что не мешало Седлеру презирать всех темнокожих и даже состоять в нескольких полурасистских организациях. На левой руке у него болтался браслет. На ногах были дорогие ботинки фирмы «Тамберленд», никак не вязавшиеся с его видом, но призванные показать консервативный дух патриотизма этого лжетехасца. На голове, конечно, была шляпа, которую он не снял, даже войдя в кабинет.

— Мистер Кемаль, — улыбнулся уголками рта Седлер, — я много о вас слышал.

Хозяину кабинета пришлось встать и даже пожать протянутую для приветствия руку. Ладонь у Ронни была, конечно, потной, и от этого общее впечатление неприятия гостя усиливалось.

— Я давно хотел с вами встретиться, мистер Седлер, — холодно сказал Кемаль, — мне много о вас рассказывали мои друзья.

— Это слухи, — осторожно заметил Седлер. Он не знал, что именно о нем рассказывали, но, как многоопытный аферист, понимал, как мало хорошего о нем могли сказать знавшие его люди. — Они не всегда соответствуют действительности.

— Я думаю, в Техасе вы человек достаточно известный, — с неуловимой иронией заметил

Кемаль, — поэтому и решил обратиться именно к вам.

— Мистер Кемаль, — сразу ответил гость, — я человек дела. Меня вызывают и говорят: «Ронни, нужно помочь». И я всегда помогаю людям, всегда прихожу к ним на помощь. Мне приятно, что вы так говорите, но я хотел бы узнать, чем именно могу помочь такой крупной корпорации, как ваша.

Кемаль задумался. Теперь он должен войти в клетку льва. И никаких других вариантов не существует. Но он уже открыл клетку, значит, нужно входить.

— Нас интересуют акции компании «Юникл», — осторожно начал хозяин кабинета. Гость сразу насторожился. — Мы хотели бы вложить часть денег в эту компанию, но пока не имеем представления о ее возможностях.

Седлер понимающе кивнул.

— Мы хотели бы ближе познакомиться с этой компанией, — так же осторожно закончил Кемаль, — и думаем, что вы тот человек, который может нам помочь.

— Понимаю, — сразу ответил гость, — но могу ли я предполагать, что под вашим словом «мы» скрывается и ваш тесть — мистер Саймингтон?

— Вы и это знаете?

— Мистер Кемаль, — этот мерзавец все-таки снял шляпу, — я знаю обо всех известных людях города и штата. И все знают Ронни Седлера. Иначе нельзя — такая конкуренция.

— В данном случае «мы» — это только моя компания, — быстро ответил Кемаль, — мистер

Саймингтон не имеет к нашему проекту никакого отношения.

— За исключением того, что он дед вашего сына, — улыбнулся, показывая крупные редкие зубы, Ронни Седлер.

— Да, за исключением этого обстоятельства. Вас интересуют еще какие-нибудь вопросы по мистеру Саймингтону? Или вы хотите говорить о моей фирме? — спросил он.

— Больше никаких вопросов, — развел руками Ронни. Шляпу свою он положил прямо на стол. — Что вас конкретно интересует?

— Их наиболее крупный завод в Далласе. На этом предприятии, собственно, и держится вся их фирма. Мне нужно знать все об этом заводе.

— Обратитесь в их рекламную службу, и они с удовольствием выдадут вам всю имеющуюся у них информацию, — удивился Седлер, — или вам нужна дополнительная информация?

«В этой клетке воняет, но ничего другого у меня нет», — подумал хозяин кабинета.

— Мне нужна информация о его военных заказах. Чтобы оценить степень надежности и рентабельности завода. Мне нужны все данные о его предполагаемых поставках в этом году.

— Вам нужны данные о ракетных двигателях? — чуть понизив голос, уточнил Ронни. — Но они засекречены.

Кемаль молча смотрел на него. Видимо, в его взгляде гость прочел нечто такое, после чего он смог выдать:

— Это будет стоить очень дорого.

Хозяин кабинета по-прежнему молча смотрел на него. Кроме вопроса, Ронни чувствовал в глазах и откровенное презрение, а это его довольно сильно обижало.

— Пентагон обычно не любит, когда лезут в его секреты, — пробормотал Седлер.

— Сколько? — вместо дискуссии спросил Кемаль.

— Сто тысяч долларов. Наличными. Половину завтра, — не задумываясь, ответил Ронни, — если согласны.

— Сегодня, — ответил хозяин и, достав из ящика стола пять пачек, положил их на стол, — сегодня, мистер Седлер. — Ошеломленный гость смотрел на деньги.

— Когда вам нужна информация? — спросил он.

— Три дня. У вас максимальный срок всего три дня.

— Мы не успеем, — задумался Седлер, — вам нужна информация или документация?

— Вы думаете, мы заплатим такую сумму денег за ваши слова без документов? — спросил, в свою очередь, Кемаль.

— За три дня нереально. — Ронни облизнул губы. Его нервировали пачки денег, лежащие на столе рядом с ним.

Кемаль взял пачки в обе руки.

— До свидания, — сухо сказал он, — мы не договорились, мистер Седлер.

— Подождите, — почти страдальческим тоном крикнул гость, — я постараюсь успеть за три дня. Какие именно заказы вас волнуют?

— Основные. О которых вы говорили.

— Понимаю. Вам нужны не только данные по заказам, но, очевидно, и возможности дальнейших заказов.

— Не только. Нам нужна их документация.

— Зачем? — изумился Ронни. — При чем тут документация? Чтобы оценить степень перспективности предприятия, вовсе не обязательно вникать в технологию существующих там процессов. Достаточно ознакомиться с их финансовым отчетом.

— Это вам достаточно, мистер Седлер, — покачал головой Кемаль, — а наша компания не ведет дел таким образом. Мы должны изучить технологию производства, чтобы убедиться в гарантиях на будущее. Может, они там по заказу Пентагона готовят кастрюли для сержантов. У нас иначе нельзя.

— Мы будем иметь крупные неприятности с ФБР и Пентагоном, — пробормотал Ронни.

— Это ваши проблемы, мистер Седлер. Если не беретесь...

— Подождите, — нервно произнес гость, — но для чего вам их документация?

— Дважды объяснять я не могу. Слишком долго.

— Если бы я не знал вашего дядю, — пробормотал Ронни, — и не знал бы вас и вашего тестя, я бы решил, что вы французский шпион.

Впервые за время разговора хозяин кабинета чуть заметно улыбнулся. Взглянул на своего гостя и спросил:

— Почему французский?

— Я думал, вы спросите — почему шпион?

— Это я догадался. Из-за военных заказов. Но почему именно французский? У меня нет родственников-французов.

— Этих «лягушатников» полно в соседнем штате. И потом, я слышал, что они хотели заказать эти двигатели вместе с Пентагоном. Поэтому я и мог подумать, что вы именно французский. Но, зная вашу семью и семью вашей супруги столько лет... — Он развел руками. — Вам действительно нужна вся документация?

— Нужна, — подтвердил он, — когда вы сможете мне ее передать?

— Через три-четыре дня, — пожал плечами Ронни, — придется поработать. Вы разрешите? — показал он на деньги. Кемаль Аслан кивнул. Гость сгрел все пачки и рассовал их по карманам пиджака. Взял шляпу.

— Думаю, мы договорились, — сказал он, снова протягивая свою потную ладонь.

«Грязный мерзавец», — с отвращением подумал Кемаль, но руку пожал во второй раз.

Гость вышел. На полированной крышке стола остался липкий полукруг от его шляпы. Кемаль вызвал секретаря.

— Уберите тут, — брезгливо сказал он, показывая на это жирное, липкое пятно.

Секретарь поспешила за тряпкой.

А вышедший из здания фирмы Ронни нащупал в своем кармане небольшой микрофон и отключил запись. Затем, найдя первую попавшуюся кабину телефона-автомата, подошел к ней и, опустив двадцать пять центов, позвонил.

— Дик, это я, — сказал он довольным голосом, — получил неплохой заказ. Нет, не шучу. Теперь этот ничтожный турок у меня в руках.

Он и не подозревал, что в соседней кабине стоит частный детектив, нанятый Кемалем Асланом, который слышит каждое его слово.

ГЛАВА 3

Вилла Джеймса Каррингтона, давнего друга и компаньона отца Марты, была расположена в тридцати километрах от Хьюстона, немного южнее Пасадины, почти на самом побережье. Добраться туда нужно было около получаса, и Кемаль заехал за Мартой ровно в шесть часов. Как он и предполагал, она не была готова.

Полчаса Марта перебирала платья, из которых ей нужно было выбрать одно. Еще полчаса она надевала это платье. Сцепив зубы от бессильного гнева, он довольно долго сидел на диване, после чего отправился переодеваться. Наконец Марта вышла к нему в длинном серебристом платье до пят. За это время он успел надеть необходимый смокинг и, уже нетерпеливо постукивая каблуками лакированных туфель, ждал ее у дверей.

Она не спросила, понравился ли мужу ее выбор, а он не стал ничего говорить. Просто демонстративно посмотрел на часы и пошел за женой. В лифте она все-таки поинтересовалась:

— На какой машине поедem?

— Я возьму твой седан. Дай мне ключи, — предложил он, — тебе будет трудно вести машину в этом платье.

— Ничего, — ответила она, поворачиваясь к нему спиной, — я поведу сама.

За пять лет он понял, что спорить с ней бесполезно. Он равнодушно пожал плечами и тоже отвернулся.

Они выехали из города только в восьмом часу вечера. Несмотря на начало ноября, в Техасе стояла удручающая жара, и многие старожилы помнили, как долго держалась летняя погода в этом странном восемьдесят втором году.

На трассе она обычно ездила довольно быстро. Вот и в этот раз огоньки спидометра начали увеличиваться.

— Осторожнее, — нарушил молчание Кемаль, — впереди будет поворот.

— Знаю, — раздраженно ответила она, — я здесь тридцать лет проезжаю, а ты только начал ездить.

Она все время намекала на его неместное происхождение, словно это была часть вины самого Кемалья за ее неустроенную личную жизнь.

— Твой отец будет волноваться, — вместо ответа сказал он, снова посмотрев на часы, — я обещал, что мы приедем к семи. Ты ведь знаешь, он не любит, когда ты садишься за руль.

— Ничего, перетерпит.

— Опять у тебя такое собачье настроение, — не выдержал наконец Кемаль. — Что случилось?

— Ничего не случилось. Ты сидел дома с таким видом, словно я виновата перед тобой. А мне нужно было выбрать платье. Ты даже не посмотрел на меня, когда я его надела.

— Следи за дорогой, — посоветовал Кемаль.

— Вот это все, что ты мне можешь сказать. Следи за дорогой, мы опаздываем, ешь меньше сладкого, отец будет волноваться. Хватит. Надое-ло. Нам нужно разводиться, Кемаль. Эта жизнь только губит нас обоих.

— Хорошо, — мрачно согласился он, — вернемся ночью домой и решим. А сейчас следи за дорогой.

Она нажала на тормоза, съезжая с трассы.

— Мы можем один раз в жизни поговорить спокойно? — спросила Марта. — Почему ты так ко мне относишься, Кемаль? Что я тебе сделала?

— Мы опаздываем, — терпеливо сказал он, — уже и так половина восьмого.

— А я вообще не хочу туда ехать, — зло огрызулась Марта, — видеть эти рожи. Не хочу, и все. Можешь ехать один, если тебе так нужен мой папочка. Чтобы он не волновался. А я поеду домой. Лучше посижу с Марком, чем с этими толстомордыми кретинами.

— Хорошо. — Он вышел из автомобиля, захватив пакет с подарками. — Можешь возвращаться.

Она посмотрела на него, очевидно, намереваясь что-то сказать. Затем передумала и, дав газ, стремительно рванула автомобиль с места. Он проводил машину долгим взглядом и зашагал по дороге.

«Хорошо разведчику без жены, — подумал он невольно, — никаких проблем. Это только в кино шпионы спят со всеми подряд и не женятся десятилетиями. В жизни все бывает сложнее. Хочешь закрепить — обязательно должен жениться». Иногда его предыдущая жизнь казалась

ему сном, каким-то нереальным сновидением, случившимся в молодости. Он уехал из страны в конце семьдесят четвертого. Прошло уже восемь лет. За эти годы ему удалось закрепиться в стране, восстановить американское гражданство, стать почти своим в столь сложном и амбициозном штате, как Техас, и даже сделать успешную карьеру.

Вдали показались огни автомобиля. Он поднял руку. Подъехавший старый, помятый серо-голубой «Форд» затормозил рядом с ним. За рулем сидел пожилой техасец лет шестидесяти.

— Куда едешь? — спросил он вместо приветствия.

Кемаль показал рукой вперед.

— Садись, — кивнул техасец. Он оценил молчание своего будущего попутчика. Здесь не любили болтунов.

До Пасадины они доехали в полном молчании. Старик не спрашивал, откуда взялся на трассе его спутник, почему он шел пешком, где была его машина. Это было просто не его дело. Только в самом городе он наконец разжал губы и спросил:

— Куда дальше?

— Сойду в центре, — ответил Кемаль, и техасец, одобрительно кивнув, развернул машину в сторону центра. У здания мэрии он остановился.

— Спасибо, — вышел из автомобиля Кемаль. Техасец кивнул на прощание, не сказав больше ни слова, и отъехал. Еще минут пять пришлось ждать такси, пока наконец он не вошел в один из небольших магазинчиков и не вызвал машину по телефону. Уже поднимался ветер, когда приехало

такси, и он, уставший и голодный, отправился на виллу Каррингтона.

Подъехав к вилле, он заметил на площадке в глубине парка автомобиль своей супруги и громко выругался. Испуганный темнокожий водитель обернулся к нему:

— Что-нибудь не так, сэр?

— Все в порядке. — Он заплатил по счетчику, добавив щедрые чаевые.

Со стороны дома раздавались веселые крики. К нему спешили сам хозяин дома Джеймс Каррингтон и его тесть Роберт Саймингтон. Каррингтон был высоким красивым мужчиной с густой, сплошь седой шевелюрой и резкими морщинами, пересекавшими все лицо. Саймингтон, напротив, был чуть ниже ростом, почти лысый, с вечно лоснящимся от пота лицом.

— Мистер Каррингтон, я вас поздравляю, — постарался придать своему голосу как можно больше радушия Кемаль.

— Спасибо, Марта уже приехала, сказала, что ты задерживаешься на работе, — протянул руку Каррингтон.

От волнения Кемаль, кажется, пожал руку хозяину чуть сильнее, чем было нужно. Каррингтон в удивлении уставился на него, но ничего не сказал, быстро вернулся к гостям. Саймингтон протянул свою руку.

— Опять поцапались с Мартой, — понимающе кивнул он.

— Опять, — подтвердил зять, — она высадила меня на трассе, сказав, что возвращается домой. А сама приехала сюда.

— Просто бесится, — вздохнул тесть. — Как у нас дела в Эр-Рияде?

— Я отправил человека. Кажется, они согласятся на подписание документов. Но мне нужно будет туда вылететь.

— Разумеется. Твои способности, Кемаль, там очень пригодятся. Но идем к гостям. Сегодня там веселятся. Старайся больше не обращать на Марту никакого внимания. Я ее знаю, она в таком случае быстро успокаивается.

Они пошли к гостям, собравшимся вокруг большого бассейна. Звучала музыка, некоторые пары танцевали. Марта сидела за столиком с двумя женщинами, среди которых он узнал и хозяйку дома.

— Ты уже приехал? — невинным голосом спросила жена.

— Кажется, да. — Он, не глядя на нее, поцеловал руку миссис Каррингтон и прошел к бассейну.

Молодежь веселилась особенно бурно. Он поймал себя на мысли, что впервые не относит себя к этой категории лиц. Все правильно. Тридцать шесть лет — это слишком много. Он разглядел в глубине парка стоявшую у небольшого дерева высокую женщину в голубом платье. Ее волосы были красиво уложены. Подойдя к столику, он взял два бокала с шампанским и поспешил к женщине. Та смотрела куда-то вдаль, видимо погруженная в свои мысли.

— Миссис Лурье? — громко спросил он, улыбаясь.

Женщина повернула голову.

— Мистер Кемаль, — вспомнила она, — вот не ожидала вас встретить. Я бы могла вас не узнать.

— А я вас сразу узнал, — сказал он, протягивая ей бокал шампанского.

Она приняла с благодарностью.

— Вы совсем другой в смокинге, — произнесла она, улыбаясь, — он вам явно идет.

— Ну, вы тоже несколько отличаетесь от той женщины, которая так громко ругалась на трассе.

Они улыбнулись друг другу, подняли бокалы и каждый сделал несколько глотков.

Женщина не была красивой. Но уверенность в ее взгляде, горделивая осанка, стройные линии ее спортивного тела действовали на него притягивающе. И он это сознавал. А может, на него просто действовала магия ее должности? Или это был подсознательно заданный уровень разведчика, при котором знакомство с государственным деятелем такого ранга было осознанной необходимостью. Он вдруг с испугом подумал, что не знает, где кончается уровень его подсознания и начинается эмоциональная сфера, неподконтрольная его разуму.

— Вы о чем-то задумались? — спросила женщина.

— О вас, — признался он неожиданно для самого себя.

— Да, — она не удивилась, — и что именно вас интригует?

— Ваша работа. Не представляю себе вице-губернатором такого огромного штата, как Луизиана, очаровательную женщину. Видимо, у меня недостает фантазии.

— Это не очень сложно. Можете приехать в Батон-Руж и все увидеть собственными глазами.

— Я, наверное, так и сделаю.

Она взглянула на него чуть удивленно, но не стала развивать дальше эту тему.

— Вы компаньон Каррингтона? Или вы его друг? — спросила она.

— Ни то и ни другое. Мой тесть — его компаньон. Может, вы слышали, Роберт Саймингтон? — Она посмотрела на него более внимательно: кажется, на этот раз она удивилась сильнее обычного.

— Вы зять Саймингтона?

— Да, хотя этого нет на моей визитной карточке. Но в Техасе довольно хорошо знают эту семью.

Она не улыбнулась его намеку. Только сжала недовольно губы и спросила:

— Так вы муж Марты?

— Вы знаете мою жену? — Теперь настала его очередь удивляться.

— Мы учились вместе с ней в колледже, — кивнула миссис Лурье, — у нее должны быть наши фотографии. Может, она вам их показывала? Я Сандра Мерсье.

Он вспомнил, что слышал такое имя от Марты. И медленно кивнул.

— Кажется, я слышал вашу фамилию. Но почему Лурье?

— Это фамилия моего покойного мужа.

— Покойного? — слишком быстро вырвалось у него.

— Он погиб два года назад в Майами. Не справился с управлением вертолета, не сумев посадить

его на площадку. Прямо у нас с дочерью на глазах, — достаточно спокойно сказала она.

— Извините.

— Ничего, — глаза у нее были сухие.

Они замолчали.

— Когда я могу приехать в Батон-Руж? — вдруг спросил Кемаль.

— Вы считаете, это нужно? — спросила она.

— Да, — на этот раз он ответил достаточно твердо.

— Когда вам будет удобно.

— Завтра.

— У вас нет завтра других дел?

— У меня их завтра не будет.

— Марта была моей подругой, — предостерегающе сказала женщина.

— Это что-то меняет? — спросил он, глядя ей в глаза. Бокал шампанского в руках вдруг стал очень тяжелым.

— Не знаю, — кажется, впервые за время разговора немного растерялась она.

Внезапно из дома раздались какие-то крики, послышались оживленные голоса.

— По-моему, нам нужно вернуться, — сказала женщина, уже не глядя на него.

Не дожидаясь ответа, она пошла к дому. Он, швырнув свой бокал в сторону, остался у дерева. Иногда ему хотелось бросить все и куда-нибудь уехать. Далеко-далеко. Словно пытаясь убежать от своей нынешней жизни. И от прошлой тоже. Туда, в прошлую жизнь, его почти не тянуло. В первые годы было, конечно, трудно, но потом

он как-то привык, втянулся в свою роль, и временами она ему даже нравилась.

А может, во всем была виновата Марта, сделавшая его личную жизнь такой невыносимой пыткой и отравлявшая его существование самим фактом своего присутствия. Он твердо решил, что обязательно разведется с Мартой уже в наступавшем году. Конечно, деловое партнерство с Робертом Саймингтоном — вещь полезная и даже необходимая, но терпеть его дочь уже просто невозможно. Они слишком разные, так считала сама Марта. Если бы она знала, как она права. Они действительно очень разные, и здесь уже ничего не поделаешь.

Он был уже вторым мужем Марты. Первый сбежал через полтора года после женитьбы. Когда они поженились, Марте было уже за тридцать, но благодаря массажным салонам и искусной косметике ей удавалось сохранять подтянутую фигуру подростка и почти детское выражение лица. Лишь позднее он понял, что упрямство и каприз, обычные для подростков, стали постоянными составляющими ее характера. Но понял слишком поздно, после рождения Марка.

Во всей этой глупой истории с женой жалко только одного человека — маленького Марка, который уже научился говорить свои первые слова и часто не понимает, почему ссорятся два самых близких существа, заполняющие почти всю его вселенную. Впрочем, в случае развода нужно будет оговорить и этот пункт. Он должен иметь право на свидания с ребенком. Но, с другой стороны, зная вздорный характер супруги, он не сомневал-

ся, что она постарается лишить его этой возможности, чтобы сделать ему как можно больнее. Она знала, как он относится к сыну. Но даже при этом варианте ему придется с ней разводиться.

«Как странно, — подумал он, — ведь Сандра должна быть такого же возраста, как и Марта. А такое ощущение, что между ними вечность». Или это ему так кажется. Уверенная, собранная, внимательная Сандра и вечно огрызающаяся, готовая сорваться в любой момент Марта. Может, это ему так повезло. Хотя разве Сандре повезло больше?

Опять послышались оживленные крики, и он решил, что пора возвращаться в дом. Он поспешил к месту, где разбившиеся на группы гости, особенно мужчины, обсуждали какую-то сенсационную новость.

— Что случилось? — спросил Кемаль, подходя к тестю.

— Сейчас передали последние сообщения. В Москве умер Леонид Брежнев, — взволнованно сообщил Саймингтон, — так они показывают его возможного преемника.

Он вошел в большую гостиную дома, где уже сидели несколько человек, остальным было просто неинтересно слушать про умершего лидера непонятной чужой страны, и уставился в телевизор. В дом вошли всего пятеро гостей. Гости выслушали сообщение о смерти этого смешного и страшного лидера далекого северного государства, ядерного оружия которого все-таки очень боялись, и снова принялись танцевать и веселиться. В массе своей это были просто настоящие техасцы, и события в Москве их мало волновали.

На экране показывали сильно постаревшего и осунувшегося Юрия Владимировича Андропова. Диктор сообщал, что по всем признакам новым руководителем партии и государства будет он — бывший руководитель органов КГБ и нынешний председатель похоронной комиссии. Кемаль слушал спокойно. Случившееся происходило слишком далеко от него, словно на другой планете.

ГЛАВА 4

На следующий день поехать в Батон-Руж не удалось. И через день поездка снова не состоялась. А на третий он ждал встречи с Ронни Седлером и не имел права никуда уезжать. Он заранее узнал, что Седлер работает на пару с начальником охраны заводов компании «Юникл», через которого может достать любые необходимые документы. И знал, что после того, как он заплатит ему оставшуюся половину денег, предприимчивый Ронни собирается шантажировать его, попытается вытянуть из него еще не менее ста тысяч долларов. Он все это знал, но терпеливо ждал аргументов.

Никаких личных возможностей проникнуть на заводы нужной ему компании и овладеть документами не было. Лезть ночью на завод, разыгрывая из себя нового Джеймса Бонда, было глупо и малорезультативно. Во-первых, завод хорошо охранялся, во-вторых, он просто не умел лазать по стенам. И, наконец, в-третьих, не имел права этого делать, так глупо подставляя себя и группу людей, с которыми он сотрудничал.

Оставался только один вариант — с мерзавцем Ронни Седлером, который он и проводил в жизнь. Все возможные осложнения после операции он хорошо мог себе представить, но документы нужны были во что бы то ни стало. И он готов был платить за них даже чрезвычайно высокую цену. Но сама мысль о необходимости иметь дело с такими типами, как Ронни Седлер, могла серьезно подорвать нравственное здоровье любого агента¹.

¹ В современных криминальных и шпионских романах можно достаточно часто прочесть о мужестве отважных разведчиков, смело проникающих на закрытые базы и добывающих необходимые документы. Все это на сто процентов обычная ложь. Практически во всех случаях агенты-нелегалы действуют через своих завербованных людей, добываясь нужного результата либо шантажом, либо деньгами. Второе, более верное и прозаическое, направление обеспечивает и должный результат. Практически все достижения разведки после окончания Второй мировой войны, а особенно после развенчания сталинизма, базируются на немалых средствах, выделяемых на подкуп нужных людей. Деньги заменяют патриотизм, верность идее, преданность своему государству. Сказанное не перечеркивает героический труд бывших советских разведчиков-нелегалов, но лишь помогает более правильной расстановке необходимых акцентов. Эпоха героев давно кончилась — наступила эпоха проходимцев и подлецов. И если до августа девяносто первого еще находились чудаки, способные на героическое самопожертвование во имя красивой идеи, то после августа их уже не осталось вообще. А оставшиеся были благополучно отправлены на пенсию. Цивилизованные формы разведки, принятые ныне во всем мире, — это возможность просто купить нужного человека. (Прим. авт.)

В этот раз они договорились встретиться ровно в три часа дня на Ричмонд-авеню, в западной части города, рядом с крупным продуктовым магазином. Кемаль должен был подъехать к магазину на своей машине, а Ронни — сесть к нему в автомобиль прямо у магазина. В этот день Кемаль впервые за столько лет достал свой пистолет «беретту», разрешение на ношение которого он получил почти сразу после натурализации и обретения гражданства. Пистолет он положил во внутренний карман пиджака, посчитав, что при встрече с таким мерзавцем, как Седлер, он совсем не помешает.

К магазину Кемаль подъехал за пять минут до назначенного времени. В две минуты четвертого из здания вышел Ронни Седлер и, не оглядываясь, сел в его автомобиль. Кемаль, даже не поздоровавшись с ним, тронул машину и лишь затем, глядя в зеркало заднего обзора, спросил:

— Принесли?

— А вы? — нагло спросил Седлер. Вместо ответа Кемаль показал на заднее сиденье, где лежал небольшой кожаный портфель.

Ронни усмехнулся:

— Вы разрешите? — Он перегнулся и достал портфель. Открыл его, чуть вытаскивая одну из пяти плотных пачек, лежавших в портфеле. Удовлетворенно кивнул и, снова положив портфель на заднее сиденье, сказал: — Я всегда считал, что вам можно верить, мистер Кемаль.

Вместо ответа Кемаль поднял свой телефон и, нажав кнопку уже записанного в памяти аппа-

рата номера, подождал, пока ему ответят на другом конце.

— Все в порядке, — сказали там, — ты можешь действовать.

Седлер весело следил за ним.

— Вы привезли документы? — спросил Кемаль, по-прежнему не глядя на своего собеседника.

— Конечно, привез, — Седлер полез в карман, доставая пачку бумаг, — хотя мне пришлось потрудиться, они мне очень дорого обошлись. — Он протянул бумаги Кемалю.

— Бросьте их на сиденье, — предложил Кемаль несколько равнодушно.

Это насторожило Ронни.

— Они вам больше не нужны? — с заметной тревогой спросил он.

— Нужны, но не так, как раньше. — Кемаль посмотрел снова в зеркало. Шедшая за ним «Тойота» не отставала.

— Почему? — уточнил Седлер.

— Вы принесли не все, — спокойно сказал Кемаль.

Седлер не смутился. Заставить нервничать такого подлеца, как он, было непросто.

— С чего вы взяли?

— Знаю.

Кемаль спокойно вел машину, уже выезжая за город, на юго-запад.

— Вы их даже не посмотрели, — не успокаивался Седлер, — откуда вы знаете, что я вам дал?

Вместо ответа Кемаль нажал кнопку магнитофона. Послышался характерный голос Седлера.

«— Эрнст, это ты? Говорит Ронни.

— Слушаю тебя, Ронни. Как прошла твоя встреча с этим арабом?

— Он не араб. Я тебе говорил тысячу раз, он не араб, а турок.

— Какая разница. Все равно черномазый. Все они: арабы, турки, негры, индейцы, латинос — это шваль в нашей стране. Так ты с ним говорил?

— Мы с ним договорились. Он уже заплатил мне двадцать пять тысяч. Как я тебе и говорил. Остальное отдаст после того, как получит документы.

— Так много? Ты шутишь.

— Нет, не шучу. Теперь этот ничтожный турок у нас в руках. Мы сумеем вытянуть из него еще больше. Для начала я дам ему не все документы, а только половину...»

Кемаль отключил магнитофон.

— Достаточно? — Он по-прежнему не устаивал взглядом своего пассажира.

— Э... видите ли, мистер Кемаль... — кажется, впервые этот мерзавец не мог найти слов, — это только шутка.

— И насчет двадцати пяти тысяч тоже? Мне придется сократить ваш гонорар вдвое.

— Не нужно, — ухмыльнулся Ронни, — признаюсь: вы меня здорово переиграли. Я не думал, что вы сделаете такой ход. Вторая часть документов у меня дома. Если хотите, поедem туда и я их заберу.

— А как быть с вашими друзьями?

— С какими друзьями?

— Которые следуют за нами вон в той «Тойоте». Или это тоже всего лишь невинная забава?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — угрюмо произнес Седлер, — у вас сегодня просто плохое настроение.

— А у вас оно слишком хорошее. Мистер Седлер, вам не кажется, что вы несколько усложнили нашу встречу?

Ронни молчал. Потом выдавил:

— Вы не такой простачок, каким кажетесь. По-моему, я вас действительно недооценил.

— Мне кажется, да. И у вас будут большие неприятности, мистер Седлер. Во-первых, ваши друзья могут узнать, как вы их обманули, занизив сумму в два раза. Во-вторых, мне при всех случаях нужна будет вторая часть документов.

Седлер обернулся. На сиденье по-прежнему лежал портфель с деньгами.

— Возвращайтесь, — сказал он, — я отдам вам ваши документы. Черт с вами, вы меня переиграли.

— Только поменяемся местами, — предложил Кемаль, — назад автомобиль поведете вы. Вы лучше знаете, куда именно нам ехать.

Ронни нахмурился. Ему не нравилась такая перестановка, но он решил не возражать.

Остановившись у одной из бензоколонок, Кемаль жестом пригласил своего пассажира выйти из автомобиля и, обойдя его спереди, сесть за руль. Решив, что спорить в данном случае по пунктам не стоит, Седлер вынужденно вышел и, не смотря в сторону уже подъезжавшей «Тойоты»,

прошел на место водителя. Кемаль просто перелез на его сиденье, не выходя из машины.

Седлер сел за руль и захотел развернуть машину.

— Нет, — сказал вдруг Кемаль, — не нужно. Мы едем в правильном направлении.

— Вы с ума сошли? — мрачно спросил Седлер. — Мой дом в другой стороне.

— Я знаю, где ваш дом. Но нам нужно прямо, — показал Кемаль. Что-то в его голосе заставило Ронни подчиниться. Он посмотрел в зеркало заднего обзора. «Тойота» приближалась к ним.

— И сделайте так, чтобы эта машина нас не догнала, — попросил Кемаль.

Седлер не ответил ничего, но чуть прибавил скорость.

— Куда мы все-таки едем? — спросил он минут через пять.

— Как можно дальше от вашего дома.

— Почему? — Кажется, Седлер начал что-то понимать.

Вместо ответа Кемаль показал на свой телефон.

— Вы знаете, что это такое?

— Не считайте меня за идиота, — разозлился Седлер, — кому вы звонили?

— Сейчас я покажу вам, чей номер я набирал, разговаривая со своим другом, но сначала я должен пристегнуться ремнем, иначе вы можете внезапно остановить машину и я проломлю своей головой стекло. А мне бы очень не хотелось этого делать.

Он надел ремень на себя, закрепил его с левой стороны и лишь после этого нажал кнопку телефонного аппарата, и на небольшом экране появились цифры. Это был домашний телефон самого Ронни Седлера. Тот едва не остановил машину. Злобно взглянул на Кемалья и прошипел:

— При чем тут ваш друг?

— Вы похитили документы с помощью своего компаньона Эрнста Крайтона. Я решил, в свою очередь, попросить одного из моих друзей помочь мне. По-моему, так справедливо. Как вы считаете? Я ведь не собираюсь отнимать у вас деньги. Вы их заработали — все сто тысяч. Я лишь позволю себе взять свой товар, за который уже уплачено.

Седлер резко затормозил, выезжая на площадку трассы, расположенную справа от дороги. В руках у Кемалья появилось оружие.

— Вперед, — приказал он, — не останавливаться.

Седлер снова взялся за руль.

— Мы действительно вас не сумели правильно оценить, — словно рассуждая сам с собой, произнес он, — я так и думал, что вы шпион. Конечно, не французский. Арабский или турецкий. А может, иранский. Вы не боитесь иметь дело с ФБР?

— У вас дикая фантазия, мой друг, — улыбнулся Кемаль Аслан, стараясь держаться как можно более естественно, — по-моему, неприятностей с ФБР должны более всего опасаться вы. Это ведь вы украли документы. Вернее, ваш компаньон. И получили за это деньги.

— А потом передал их вам, — огрызнулся Седлер.

— Верно. Но ведь ФБР вообще может заинтересоваться такой личностью, как вы. И тогда вам придется очень непросто рассказать, куда вы девааете деньги, не учтенные налоговой службой. На какие деньги вы купили ранчо в Мексике. Почему на вашем мексиканском ранчо целый склад наркотиков. Осторожнее, следите за дорогой.

Седлер чуть не поперхнулся от гнева.

— Откуда вы знаете? — спросил он, явно нервничая. — Откуда вы знаете про Мексику?

— И про многое другое. Поэтому не нужно пугать меня ФБР, мистер Седлер. Для вас эта организация еще более опасна, чем для меня. Я добпорядочный гражданин Америки, плачу все налоги, меня знают в Техасе почти все. И семью моей супруги знают вот уже сто лет. А вы пришелец из Орегона, хоть и носите эту дурацкую шляпу и сапоги, выдавая себя за настоящего техасца. Кому поверит больше ФБР — вам или мне? И, наконец, я не отказываюсь — мне действительно нужны были эти документы для заключения сделок по акциям компании. Возможно, я действовал этически не совсем правильно, но юридически... Над вами просто посмеются, когда вы начнете рассказывать о своих подозрениях. Я родился в Америке, мистер Седлер, в Филадельфии, и по законам нашей страны могу даже стать Президентом США.

Седлер молчал, поняв, что ему не переспорить этого непонятного человека. Он только уточнил:

— Откуда вы узнали, что документы находятся у меня дома?

— А где они еще могут быть? — удивился Кемаль. — У вас в кабинете сейф вмонтирован прямо в стену. За полкой с книгами. Или это тоже неправда?

В этот раз Ронни не сумел сдержаться. Он резко затормозил и, когда Кемаль, все-таки несколько ошарашенный подобной внезапностью, чуть убрал дуло «беретты», схватился за пистолет. Ронни не рассчитал своей физической силы. Кемаль ударил его несколько раз очень сильно в лицо, и Седлер упал на кресло водителя, обливаясь кровью.

— Как глупо, — сказал укоризненно Кемаль, — я думал, вы разумный человек и мы договоримся. Я мог убить вас, а мне этого совсем не хочется делать.

Сзади подъехала «Тойота» и остановилась в нескольких метрах от них. В автомобиле было двое мужчин, но ни один из них не выходил из машины.

— Убирайтесь, — приказал Кемаль, взмахнув пистолетом, — я мог бы вас просто пристрелить. Мне жаль, что вы так ничего и не поняли. И не нужно меня пугать. Если хотите, можете идти в ФБР. Как туда добраться, надеюсь, знаете. Только крайняя необходимость вынудила меня иметь дело с таким сукиным сыном, как вы, Седлер. Торговец наркотиками, мошенник, вор и сутенер. Вот вы кто такой на самом деле. Я не оправдываюсь, мне действительно нужны были эти документы. Даже не мне, а моему тестю Саймингтону. И поэтому я вынужден был терпеть ваше грязное присутствие. Вон.

Седлер взялся за ручку автомобиля. Другой рукой достал платок, вытирая нос.

— Я вам отомщу, — мрачно пообещал он.

— Обязательно. Только учтите: если со мной что-нибудь случится, кассета с вашими разговорами за последние несколько дней попадет в полицию. Думаю, их заинтересует ваше мексиканское ранчо.

Седлер вышел из автомобиля, сильно хлопнув дверцей. Кемаль достал свой носовой платок и, вытерев руль автомобиля, пересел на место водителя. После этого обернулся и выбросил из машины портфель с пятьюдесятью тысячами долларов. «Нужно быть справедливым даже по отношению к этим бандитам», — решил он. Но, кажется, они не оценили его справедливости. Седлер, быстро подобрав портфель, поспешил к «Тойоте», что-то объясняя ее пассажирам.

Кемаль завел машину и медленно выехал на трассу, продолжая наблюдать за Ронни Седлером. Тот уже сел в «Тойоту», когда машина вдруг стремительно сорвалась с места.

— Кажется, они ничего не поняли, — пожалел Кемаль, видя, как «Тойота» нагоняет его.

Послышались два резких хлопка. Они стреляют по машине, догадался Кемаль, увеличивая скорость.

Вот тут и начались самые настоящие гонки на трассе. Кемаль с досады даже закусил нижнюю губу. Он так надеялся на благоразумие этого контрабандиста. Оказывается, он обидел его даже сильнее, чем предполагал. И мерзавец Ронни Седлер, горевший желанием отомстить, преследовал

его со своими двумя напарниками. И, судя по выстрелам, намерения у них были самые серьезные. Кемаль посмотрел на спидометр. Пока его спасало лишь то обстоятельство, что следовавший за ним автомобиль был намного тяжелее, там сидели сразу трое преследователей. Но машиной управлял очень опытный водитель. Он явно переигрывал Кемаль. И Кемаль подумал, как был прав Том, не желавший идти на столь рискованный вариант с этими документами. Но других вариантов у них не было.

Они заранее знали, что начальник охраны завода в Далласе и Ронни Седлер — закадычные друзья. Эрнст Крайтон раньше работал в полиции, как раз в те времена, когда на его участке всю хозяйничал Ронни Седлер. Потом за явные промахи в своей деятельности Эрнст Крайтон был уволен из полиции. Проводилось даже служебное расследование, но оно ни к чему не привело. И спустя несколько лет Крайтон занял очень выгодную должность начальника охраны, а Ронни Седлер оказался в этот момент в Хьюстоне. Не воспользоваться такой возможностью было непростительной ошибкой. При этом приходилось учитывать и возможность шантажа со стороны Седлера. Но против этого они имели действенное оружие. Том Лоренсберг по роду своей деятельности в частном сыскном агентстве знал, какие именно экспедиции организует в Мексику Ронни Седлер. И тогда они решили рискнуть.

Теперь, уходя на полной скорости по трассе от Ронни Седлера и его компаньонов, он с сожалением думал, что Том был прав, считая этот вари-

ант самым рискованным и опасным. Теперь эти бандиты не собирались так просто оставлять их в покое.

Но прав оказался и сам Кемаль. Он принял наиболее опасное и наиболее действенное решение, получив документы, на приобретение которых у него могли уйти годы.

«Тойота» все-таки нагоняла его автомобиль. Он достал «беретту» из кармана уже во второй раз и положил ее на сиденье рядом с собой. «Как все это глупо, — подумал он. — Столько лет работы и все впустую из-за обиды одного контрабандиста, так ничего и не понявшего. Впрочем, по большому счету, виноват даже не Ронни Седлер. Виновато руководство ПГУ в Москве, потребовавшее в столь короткий срок найти эти документы».

Он снова взглянул на спидометр. Должен быть какой-то предел, иначе он просто разобьется. Снова раздался хлопок. Неужели они решили его просто пристрелить? «Тойота», почти нагнав его, изменила тактику. Водитель прибавил еще чуть-чуть и почти поравнялся с ним. Теперь он с ходу попытался резко ударить по его машине, чтобы выбить ее с трассы. От первой попытки «Шевроле» ушел. При второй они все-таки достали его, сильно помяв бок машины. При третьей Кемаль решил атаковать сам и, неожиданно вывернув руль, тоже ударил их машину. Но водитель «Тойоты» был готов к подобному маневру и поймал его на движении влево, тоже смещаясь влево. Определенно, там за рулем должен был сидеть сам Крайтон. Только с его подготовкой офицера полиции можно было так вести машину.

Кемаль постарался увеличить скорость. Но и «Шевроле» имеет свой предел. Стрелять? Он оглянулся. Но по трассе несутся и другие машины. Как потом он объяснит свою стрельбу? Да и нападавшие прекратили стрелять, решив, что лучше просто перевернуть преследуемый автомобиль. Это будет больше похоже на аварию, и все примут такие объяснения куда охотнее, чем выстрелы в господина Кемалья Аслана, известного бизнесмена и зятя самого Саймингтона. Этого могут просто не понять.

Впереди был какой-то мост. Он разглядел его издали и понял, что две машины там не проедут. Ни при каких обстоятельствах. Кажется, там ремонтируют дорогу. Он поправил запотевшие очки. Он и не предполагал, что будет настолько сложно. В «Тойоте», очевидно, также увидели, что ведутся работы и узкий проход оставлен для одной машины. Теперь два автомобиля летели вперед, почти касаясь друг друга. Преследователи еще дважды сделали попытку выбить его с трассы. Потом он увидел стоявший впереди, с правой стороны дороги, бензовоз.

Из «Тойоты» слышались злобные крики. Конечно, машина стоит на его пути. Ему нужно будет либо самому выбить «Тойоту», либо просто врезаться в бензовоз. Или остановиться на трассе, что равносильно смерти. Его преследователи были вооружены, и против троих ему не выстоять. Он сцепил зубы и увеличил скорость до пределов возможного. Сидевший в «Тойоте» за рулем Крайтон одобрительно кивнул и также увеличил скорость, уже не пытаясь сбить его

с трассы. Так они вместе и летели навстречу своей судьбе.

Рабочие, заметившие эту смертельную гонку, закричали, замахали руками. Из бензовоза испуганно выпрыгнул водитель и, пробежав несколько шагов, упал на землю, закрыв голову руками. Машины неслись вперед. Уже почти у самого бензовоза, рядом с мостом, он вспомнил трюк, которому его обучали во время подготовки. И резко повернул в сторону, прямо на мост. «Тойота» устремилась за ним. Он внезапно резко затормозил. Не ударил «Тойоту», водитель которой был готов к такому сюрпризу, а просто резко затормозил. И в этот момент, на какую-то долю секунды Крайтон, не ожидавший этого, попытался также затормозить, но потеря координации сразу сказалась. Машина неловко дернулась и, ломая ограждения трассы, рухнула вниз с холма, переворачиваясь на ходу.

Невольные свидетели происходящего испуганно замерли. «Тойота», перевернувшись несколько раз, врезалась в бетонную опору моста и взорвалась. Сильное пламя поднялось над мостом.

Он открыл дверцу автомобиля. Из-за резкого торможения он довольно сильно ударился о стекло своего автомобиля. Очки были сломаны, и он их просто выбросил; убрал «беретту». И наконец выбрался из машины.

Внизу горели останки автомобиля Ронни Седлера и его компаньонов. Он дрожащими руками потрогал пиджак. Первая часть документов была у него. Наверное, Том успел изъять оставшиеся бумаги. Он сел прямо на землю и все время смо-

трел вниз, туда, где горела «Тойота». Сегодня он родился в третий раз. Первого своего рождения он не помнил, а вот второй остался в памяти на всю жизнь.

ГЛАВА 5

Он хорошо помнил день, когда это случилось. Его вызвал начальник первого отдела. И он поспешил, еще не зная, что этот вызов перевернет всю его жизнь.

Полковник не любил многословия. Он принял старшего лейтенанта со своим обычным выражением хмурого и недовольного лица. Он не знал, зачем вызывают в Москву его сотрудника, но не ожидал от неожиданных вызовов ничего хорошего.

— Старший лейтенант Караев прибыл по вашему приказу, — доложил вошедший.

— Садитесь, — разрешил полковник. Он минуты две молча разглядывал своего сотрудника и затем неожиданно спросил:

— У вас есть близкие родственники, кроме матери?

— Никого, товарищ полковник, — удивился его собеседник, — вы же знаете, мой отец погиб в августе сорок пятого, в Китае. А я родился через восемь месяцев. У меня нет ни братьев, ни сестер. У матери есть младшая сестра, но она не замужем.

— Да, — кивнул полковник, — все правильно. Не буду скрывать от вас, Караев, пришел запрос из Москвы. Они хотят использовать вас для рабо-

ты за рубежом. Подробности вы узнаете в Москве. Как вы к этому относитесь?

Он встал:

— Я готов, товарищ полковник.

— Не нужно вскакивать. Матери можете объяснить, что едете в зарубежную командировку. Нашим сотрудникам мы объявим, что вы отправлены на учебу. Вы жениться не собираетесь?

— Пока, кажется, нет, — невольно улыбнулся Караев.

— Тогда все. Желаю вам удачи. — Полковник встал и впервые за все время их совместной работы протянул старшему лейтенанту руку. — Про нас не забывайте, — неожиданно мягко сказал начальник отдела.

На следующий день старший лейтенант Амир Караев вылетел в Москву. Его встречали прямо в аэропорту сразу трое сотрудников Первого главного управления, и он понял, что зарубежная командировка, о которой ему говорил полковник, будет достаточно сложной. Вечером его принял сам начальник управления «С», занимавшегося работой с нелегалами. Караев не знал, с кем именно он беседует, но догадался, что этот пожилой человек с такими мягкими, дружелюбными манерами, в хорошо сшитом штатском костюме занимает в разведке очень большую должность.

Генерал принял его не в своем кабинете, а на какой-то тихой подмосковной даче. Генерал вообще не любил свой кабинет, предпочитая появляться там как можно реже. Он поздоровался с молодым человеком за руку и, показав на диван, предложил продолжить разговор за чашкой чая.

Чай подавал незнакомый и мрачный высокий парень, в котором легко угадывался сотрудник охраны.

Они пили чай, и генерал задавал совершенно немыслимые и непонятные с точки зрения старшего лейтенанта вопросы. Для начала он спросил, какие фильмы любит его молодой коллега. Коллега очень удивился, но честно ответил, что разные, в том числе и американские. Тогда генерал спросил, какие женщины нравятся молодому человеку. Молодой человек, покраснев, ответил, что не занимался специально такими исследованиями. Генералу понравился его ответ.

Они негромко говорили о жизни старшего лейтенанта. Караев честно рассказал генералу все более или менее заметные моменты своей биографии. Он не сомневался, что начальник управления лучше его знает все эти моменты, но осознавал необходимость такой формы беседы, при которой генералу необходимо было получить личное впечатление. Временами казалось, что начальнику управления просто нужно писать подробную биографию старшего лейтенанта, настолько незначительные детали и подробности из жизни Караева он хотел узнать.

Его интересовали школьные впечатления Караева, рассказы о его товарищах, воспоминания о своих учителях, даже о пристрастиях в еде. Услышав, что старший лейтенант любил больше всего острые и кислые блюда, генерал почему-то довольно кивнул и продолжал свои расспросы. Его интересовало, не было ли у старшего лейтенанта травм черепа в детстве, не было ли ка-

ких-нибудь скрытых шрамов и операций, словом, его интересовали все подробности, какие можно выяснить о жизни одного человека.

Они закончили беседовать в половине первого ночи, и генерал, так и не объяснив свой интерес к собеседнику, просто пожелал спокойной ночи. Караев остался ночевать прямо на даче, причем у дверей его комнаты постоянно дежурил сидевший на стуле сотрудник.

На следующий вечер все повторилось. Его вызвали теперь достаточно рано, было около шести часов вечера. И на этот раз вместе с генералом пришли еще двое людей. Один все время задавал дурацкие вопросы о снах старшего лейтенанта, спрашивал, какие чувства испытывает Караев, видя раздавленную крысу или зарезанное животное. Его очень заинтересовала история о попавшей под машину собаке соседей, которую десятилетний Амир с друзьями отвезли к ветеринару. Затем вдруг он попросил Караева пройти с ним в соседнюю комнату и снять там брюки. Смущенный старший лейтенант, не понимавший, почему он получил такой странный приказ, тем не менее вышел с этим незнакомцем в соседнюю комнату и снял брюки. После чего незнакомец попросил снять и трусы. Караев, открывший рот, чтобы выяснить, зачем это нужно, в последнюю минуту решил все-таки не задавать вопросов и покорно снял трусы. Незнакомец внимательно рассмотрел его, обращая внимание на нижнюю часть тела, и, видимо, оставшись довольным, разрешил одеться и вернуться в комнату.

Второй пришедший с генералом незнакомец все время молчал, внимательно наблюдая за ответами старшего лейтенанта. Именно наблюдая, а не слушая. Казалось, его интересовали только внешние данные молодого человека. А к концу вечера он внезапно попросил Караева пройтись по комнате и даже встал, чтобы проследить, как именно будет проходить по комнате старший лейтенант.

В этот день ему опять ничего не объяснили, лишь снова пожелали спокойной ночи. Правда, допрос на этот раз длился так долго, что они даже сделали перерыв на ужин, и молчавший все время человек почти ничего не ел, внимательно наблюдая, как ел именно Караев. Причем настолько внимательно, что Амиру просто расхотелось есть и он отказался от фруктов.

Наконец на третий день его снова принял генерал. И он был один и в хорошем расположении духа. На этот раз не было ни чая, ни ужина и вообще никаких вопросов. Генерал просто задал традиционный вопрос «как спали?» и внезапно перешел на «ты».

— Думаю, ты уже догадался, — сказал генерал, — зачем мы мучаем тебя вот уже три дня. Нам нужно было подобрать человека с такими внешними данными, как у тебя. То, что я тебе буду говорить, останется здесь. Ни одному человеку, никогда и ни при каких обстоятельствах ты не имеешь права рассказывать этого. Ни одному и никогда.

Мы хотим послать тебя вместо одного человека. Это реально существующий человек, вернее,

существовавший. Нет, — заметив невольное движение Караева, успокоил его генерал, — мы его не убивали. Он попал три месяца назад в аварию и сейчас лежит в коме в софийской больнице. Вот его фотография. — Генерал достал из кармана фотографию. Караев изумился, генерал носил фотокарточку во внутреннем кармане пиджака. Амир был уже не дилетант и понял, насколько важна секретность в его деле, если даже фотографию на охраняемой даче ПГУ КГБ СССР генерал держит в своем пиджаке.

С фотографии на него смотрело незнакомое лицо молодого человека, отчасти напоминающее его собственное. Только этот парень был с небольшими усиками и прическа была несколько другой, более пышной.

— Это он? — спросил Караев.

— Да, его зовут Кемаль Аслан. Он из очень известной турецкой семьи, — ответил генерал, забирая фотографию.

Тогда он впервые услышал это имя — Кемаль Аслан, — еще не подозревая, что оно будет его собственным именем долгие годы.

— Дело в том, — продолжал рассказывать генерал, — что этот молодой человек родился в Филадельфии, в Америке, и до пяти лет был даже гражданином США. Его дядя Юсеф Аббас имеет очень большие связи в Германии и США. Последние годы он проживает в США, на юге, в Хьюстоне. Излишне говорить, какой большой интерес представляют для нас заводы в Далласе и Хьюстоне. Ты ведь должен знать об этом по делу Мачаидзе.